
КРИСТИНА ЮРАШ
КАК ВЫЛЕТЕТЬ ИЗ АКАДЕМИИ ЗАМУЖ?

Кристина Юраш

Как вылететь из Академии замуж?

https://litres.ru/74830013
SelfPub; 2026

Аннотация

В Магической Академии не хватало всего одного студента. И этим студентом оказалась я!

Меня сбила машина, а незадачливые маги в самый неподходящий момент выдернули меня из родного мира. Очнулась я уже в академии, где преподаватели опаснее любых чудовищ, а ректор — настоящий демон. Причём не только по характеру!

Этот красавец спас мне жизнь. Вот только каким-то невероятным образом спасение обернулось свадьбой!

Теперь я — студентка магической академии и, по совместительству, жена собственного ректора. Без свадебного платья, без первого поцелуя и даже без моего согласия!

Он не собирался жениться. Я не собиралась замуж. Мы оба хотим избавиться от этого брака.

Но кто бы мог подумать, что самое сложное в магической академии — не выжить на занятиях, а не влюбиться в собственного мужа!

Особенно когда у него есть тайна, способная перевернуть всю мою жизнь.

Кристина Юраш
Как вылететь из Академии замуж?

Пролог. Недобор в Магической Академии

— И снова недобор! Какой позор! Каждый год! Одно и то же! Ни одной нормальной рожи! — нервно сопела женщина в фиолетовой мантии, расшитой черными бриллиантами.

Ириса была единственным и бессменным куратором ведьминского факультета, искренне полагая, что человеческим магам нужна особая подготовка. Потому что на десять девчонок по статистике треть — ведьмака. Это — суровая статистика нашей академии. И, судя по аттестатам, не самая верхняя и не самая лучшая!

— Ириса, ну что мы можем сделать? Вот, вы уже стихами говорите, — вздохнул добродушный старичок, поправляя на столе бумаги.

— Бальдерс! Я сейчас матами говорить начну! — засопела Ириса, понимая, что она сейчас не отказалась бы от трети ведьмака! И желательно верхней!

— Ну что ж вы в самом деле! Добрее надо, добрее! — голосом доброго волшебника произнес сильнейший из магистров, поглаживая длинную белую бороду, спадающую на алую мантию, расшитую золотом.

В последний раз от этого доброго волшебника войско бежало дальше, чем видело. И даже те, кто врезался в деревья, продолжали бежать, но уже по инерции, поскольку магические плетения — не самый легкий предмет, но очень познавательный. Настолько познавательный, что именно в его честь и была названа Академия. Академия Магических плетений.

— Год еще не начался, а терпение уже закончилось! — рявкнула Ириса, поглядывая на воплощение доброты и любимца студентов.

Еще бы! Он — виртуозный преподаватель, его всегда любили адепты, и больше всего, наверное, за то, что наш старичок был не прочь пошутить вместе с ними, устраивая в Академии маленькие шалости. А ведь уже в годах, достопочтенный маг… С виду и не скажешь, что седина в висок, а анчутка в голову. Мы еще после того раза заикаемся! Некоторые даже в туалет с опаской ходят.

— Человеческие маги вырождаются, а после последних законов и подавно скоро закончатся! Так что за каждую треть ведьмака нужно побороться! И вот фигушки я кому-то уступлю студента! Да я за каждого, как за мужика порву! — многообещающим голосом заметила Ириса. — За каждую нормальную ведьму — покусаю!

— О! Напомнили! Есть и хорошая новость! Оборотней перебор! Они занимают целое крыло! Вот не зря их потомство называют помётом! — улыбнулся добрый Баль, а среди

заседателей послышались смешки.

— Учебный год начинается через неделю, а у нас практически пустует факультет, — отметив очевидное, сказал Литаниэль. Его длинные светлые волосы были уложены в идеальную прическу и перехвачены чем-то вроде ободка с зелеными листиками.

Почему у меня складывается впечатление, что следы на клумбе, ведущие к лавровому кусту, принадлежат одному констататору очевидных фактов? И если в следующий раз я увижу, как этот суповой набор с незаслуженными, но надерганными лаврами вырядится в свою жилетку на голое щуплое и бледное тело, в штаны, вмещающие сразу все полушария, то я не посмотрю, что он лучший преподаватель природных стихий.

— Нет, ну а что? У нас недобор, а факультет пустует, — снова как-то радостно от собственной сообразительности выдал наш ушастый гений.

— Я знаю, почему эльфы долго живут. Потому что до них медленно доходит! Через пару сотен лет, я уверена, дойдет! Все нормально! Я постараюсь дожить! Я очень постараюсь дожить! — процедила Ириса, нервно сглатывая. — Не запоминайте, Литаниэль! Это ненужная информация!

— Может, набрать туда обычных людей, сдать отчет в министерство, а потом отчислить за неуспеваемость или поведение? Что-то вроде: «К размножению годны, к магии непригодны!» — обиделся Литаниэль, поправляя лавры генерато-

ра идей. — Дали подержать палочку? Подержали? Молодцы! Идите отсюда!

— А это идея! — тут же воспрянула духом Ириса, потирая ручки. — Но если кто-то о чем-то догадается, то в Академии появится сразу много-много вакансий! Будь проклят этот Император! Как только этот сопляк пришёл к власти — всё пошло прахом! И откуда только взялся? У покойного Его Величества ведь не было детей!

— Наверное, оттуда же, откуда берутся дети, — с улыбкой заметил Баль. — Аист принес, бросил в капусту и поспешил улететь, пока его не догнали и не закидали камнями.

— Как вы можете? Мы служим на благо государства и людей! — подал голос молодой Вальдер, преподаватель боевых искусств. Он опять стоял у окна, в надежде, что где-то на горизонте появятся враги, но при виде него тут же исчезнут.

Руки его были заложены за спину, совесть — в магический ломбард, а на мощной груди натягивались жилетка и рубаха.

Если кто-то меня сильно достанет, то я пожелаю ему быть пуговицами на груди Вальдера, чтобы каждый раз с удовольствием лезть в петельки. Косяк влюбленных девушек следовал за ним даже в туалет, ревниво поглядывая на часы. Но слава богам, из косяка еще никто не залетел!

— К тому же в его законах есть смысл: он запретил браки между магическими расами, ведь многие женщины не выживают во время родов. Поговаривают, что именно поэтому

почила наша королева вместе с младенцем, хотя о последнем ничего не известно толком. Может, он выжил и теперь правит. Её Величество ведь была человеком, а Империя принадлежит демонической династии, — грустно продолжил Вальдер, пока за дверью с хихиканьем дежурил его косяк. Стоило только разогнать этот косяк, как тут же он превращался в целую стаю. Недавно я своими ушами слышал: «А давайте подставим ему подножку и зачитаем признание в любви!»

— Нет, что вы, я ничего не имею против его здоровья, пусть сморкается и кашляет себе на здоровье, сопляк заносчивый, — взвилась Ириса, но тут же взяла себя в руки. — Итак, у нас есть пока одна идея с отчисленцами. Время на исходе. Где еще идеи? Я иссякла!

— А что думаете вы по этому поводу, уважаемый ректор? — обратился Бальдерс ко мне. — Возможно, у вас есть какие-то идеи? Кому, как не нашему ректору, предстоит спасти положение!

— И где этот безграничный поток идей? Что это за струйка соображений? Где ширина мысли? Да! А что остальные притихли? — Я указал рукой на сидящих особняком женщин, которые взглядами намекали, что поддержат абсолютно любое решение, проголосуют за любую идею, кроме понижения зарплат. — Я кого-то не досчитался! Кстати, а где Фиэр? Или магистр по порталам опять напортачил?

Еще свежа в памяти история, как господин Фиэр случайно попал в шахту гномов. С криками «Отдай свои сокрови-

ща, Горный Дух!» они чуть не забили его мотыгами. Единственным сокровищем был золотой зуб, но добрые гномы искренне полагали, что если бить еще, то золотых зубов станет больше. И мыслили они, в принципе, в верном направлении.

Попытка перевести стрелки увенчалась успехом. Вот терпеть не могу эти собрания. Особенно внезапные: я только прибыл в Академию и чертовски устал с дороги. Ладно, я в пути тормозил, но эти-то тормозят по жизни!

— Матильда? Агата? Есть что сказать? — обратился Бальдерс. — Нам важно любое мнение! Иначе бы мы всех не собирали! А провели анонимный опрос, как тот «довольны ли вы своей зарплатой», чтобы потом после изучения ответов вычислить всех недовольных и объяснить им, что больше зарабатывать им не удастся. Надо почаще проводить анонимные опросы! Господин ректор, учтите этот момент. Кто там у нас был самым недовольным? Матильда! Ну? Есть идеи?

Матильда, несмотря на такое грозное имя, была невероятно добродушной женщиной и преподавала бытовую магию.

Матильда могла помыть полы одним заклинанием. А всё почему? Потому что наклоняться ей было лень. Эдакая Золушка, которая заедает отсутствие принца сладостями, рассказывая всем веселые анекдоты, а фраза «пусть принц возьмет меня на ручки» с каждым годом все больше и больше напоминает угрозу. Несмотря на то, что сладости они ели вместе с Матильдой, Агата оставалась худой.

Если бы можно представить злую мачеху, то лучше пред-

ставлять Агату. То, что добротой от нее не пахнет, становилось понятно по ее суровому взгляду. Я никогда не встречал целителей со взглядом палачей. А когда вспоминаю, как она вставляла зубы Фиэру после незабываемой встречи с гномами, в ушах до сих пор звучат душераздирающие крики из ее кабинета. Она относилась к жизни с мрачным цинизмом, периодически радуя студентов фразой «Лечить будем или подождем, пока отвалится?»

— Я считаю, что если есть хотя бы один человек на потоке, то его нужно обучать, — высказалась Матильда. — И неважно, будут ещё адепты или нет! А вдруг это принц?

— Поддерживаю, — сухо отозвалась Агата. И все снова посмотрели на меня. — Журнал короче будет! Кто пойдет к доске сегодня? Кто сегодня дежурный? Какой сложный выбор! Прямо не знаю, кого вызвать! Тьфу!

О, боги! За что? За что меня, скромного преподавателя истории магии, ректора Академии, не менее скромного пытает своей сообразительностью дружный педсостав!

— НАШЁЁЁЁЛ!! ПЯТЕРЫХ НАШЁЛ!!!! — Фиэр влетел в кабинет, улыбаясь золотыми зубами. — НАШЁЛ! Они прятались, убегали, но я их нашел! Что смотрите? Думаете, что так просто их ловить? Одного держишь, рассказывая о прелестях магии, другие разбегаются! Фуф! Нет, главное, орут! Пустите, мы ничего плохого не сделали! Все, радуйтесь! Пятерых нашел!

— Гномов? — поинтересовался я, проверяя на всякий

случай его улыбку. — Так мы их и не теряли. Они как были в Нагорье, так и остались. Странно, зубы на месте, значит, не гномы…

Герой, который три раза споткнулся, чтобы донести радостную весть, метнул на меня горящий негодованием взгляд. Вот только мы его подвиг дружно не оценили.

Я спрятал свою ухмылку за кашлем. Мы же друзья, поэтому без колкостей нельзя. Основной принцип дружбы какой? Не оборешь ты, оборет другой!

— Я нашёл ещё пятерых на факультет Ирисы! — Фиэр показал нам на пальцах, чтобы мы прониклись торжественностью момента и оценили подвиг. — Они уже получили приглашение на обучение и прибудут в Академию моим порталом через два дня!

Сейчас он дышал очень неровно, но обычно так тяжело он дышал только рядом с Ирисой.

В нашем дружном коллективе есть очень много тайн, о которых знают все. Его любовь к Ирисе была самым страшным секретом, поэтому каждый был в курсе. Под грифом строжайшей тайны, он однажды поведал Литаниэлю, что хотел бы сделать какой-нибудь маленький жест в сторону некой женщины, чье имя он отказывался называть.

Литаниэль впал в ступор, а потом решил собрать всех женщин-преподавателей, чтобы обсудить этот щекотливый вопрос.

Дело чуть не дошло до драки.

Фиэр застал их в тот момент, когда Ириса собирала деньги, требуя расписывать напротив имени. Сюрприз удался на славу.

Фиэр позорно бежал с личного фронта, но периодически совершал партизанские вылазки в виде легких поползновений, которые отрицал с таким же пылом, как и причастность к темной магии.

— Бедные дети, — нарочито громко запричитала Матильда. — Ириса, ты бы проконтролировала процесс! Гномы второго вторжения просто не простят. Как сейчас помню, бежит радостный Фиэр, а за ним какие-то гоблины, и орет: «Смотрите, сколько новых учеников я нам нашел!» Еле залатали дыру в пространстве.

— А мы не осилим ещё один откуп от гномов. Просто финансово не потянем, — философски заметил я. — Урежем зарплаты, скинемся артефактами, будем гастролировать по городам, показывая магические фокусы. Все нормально, я все просчитал. Десять лет гастролей, и мы погасим набежавшие проценты. Ты не переживай, Фиэр. Мы не пропадем, а вот ты после вполне имеешь все шансы.

Сколько обиды застыло в его глазах. Я понимаю, что он старается, но его стараниями неумолимо приближается конец света.

— Уважаемые, остался ещё один ученик! Один! Совсем один! Мы сможем пополнить ряды и получим дотацию на ремонт зала для боевых искусств, а то одни руины и одна

целая стена! — сказал Баль и тут же осёкся. Вид у него был виноватый, но в глазах стояли смешинки. Сдал, значит. Ну-ну. Ну-ка, ну-ка…

— И? Я жажду подробностей! — произнес я, ставя локти на стол, сплетая пальцы и кладя на них подбородок. — Ну-у-у… Где этот магический триллер? Где эта захватывающая дух и зарплату отнимающая история? Пока что я вижу грустную обложку…

— Результат учений, господин Ректор! — отчитался Вальдер, нехорошо поглядывая на магистра. — Тяжело в учении, как говорят…

— Легко в ремонте! — со всей строгостью сказал я. — А я-то думаю, где у нас проходил мозговой штурм? Обо что бились лучшие умы Академии? А тут на тебе! Нашли место! Теперь я понимаю, почему у нас все так грустно.

— Спасибо тебе за твою доброту. Ты самый лучший ректор, Дэлион! Я тебя всю жизнь буду вспоминать, только вот слова буду подбирать особые! И ведь все тут что-то предлагали, а он сидел и молчал! Так несправедливо! — Ириса снова подала голос, а потом ее голос стал гаденько-торжественным. — Покажите нам, о уважаемый ректор, правильный вектор мысли! Проявите мудрость и смекалку! Короче, Дэлион. Где ещё одного взять? Родить я не успею, если что!

— Нам нужен один человек! Один! — осенило Литаниэля. — Какой-то один человек! Всего лишь один! И нам нужно где-то его доставать!

— Если нам нужно кого-то достать, то эту почетную миссию мы поручим тебе, Лит! Только ты способен достать кого угодно. Мне кажется, что если ты случайно призовешь демона, то он после этого долго будет плакать в каком-то уголке ада, прижимая к груди коленки.

— Призыв?.. — Преподаватели переглянулись. — Призыв!!!

Я чувствовал, как темнеют мои глаза, а за спиной разрастается тьма, клубясь и переливаясь черными и красными всполохами. Призыв! Совсем с ума сошли!

Подлокотники кресла треснули под моими руками, с потолка начала сыпаться побелка… Да как только в голову пришло! В прошлый раз еле успели спасти учеников! Заклинание почти не контролируется!

— ДЭЛИОН! УСПОКОЙСЯ НЕМЕДЛЕННО! — донесся до меня, как будто издалека, встревоженный голос Бальдерса.

Я закрыл глаза, пытаясь сконцентрироваться. Тихо, тихо… Все под контролем. Я себя контролирую. Мне еще в этой Академии работать. Фуф! Ремонт дорогой! Одна штукатурка чего стоит! О! Представил смету — попустило!

— А давайте-ка мы не будем никого призывать? Мало ли что там выползет? Наша Академия, конечно, и гоблина научит спички зажигать, но лучше не рисковать. А у меня мазь для ожогов очень болючая. Порталы уже нам не помогут. Все в радиусе порталов мы обшарили, — поделилась своим мне-

нием Агата. — Так что у меня есть конструктивное предложение.

— Главное, чтобы не деструктивное! — Перед моими глазами была снова смета на ремонт. К ней уже прибавлялся ремонт зала.

— Но если попробовать всем вместе, то мы сможем справиться! — поддакнул Фиэр. Предатель. Я с тобой в разведку не пойду. Я вообще ни с кем здесь в разведку не пойду. Извини, Литаниэль. Только с тобой. Пока тебя будут допрашивать, я успею убежать, состариться и умереть.

— Мы можем попробовать простейшее заклинание с пентаграммой. Это почти безопасно. Почти! Но мы все будем вместе! — убеждали меня они наперебой. Конечно, дорогие мои. Если что — отобьемся! Последний удар пусть наносит Литаниэль эльфийской логикой. Этого удара любая тварь не переживет!

— Сколько адептов уже успели приехать в Академию? — поинтересовался я, осторожно переводя тему. Где-то мысленно корчилась в муках несчастная тварь, над которой стоял Литаниэль. Чудовище! Убери от меня свою логику! Примерно с такой мыслью скончается несчастная животинка.

— Только оборотни! — скривилась Ириса. — Уже в стаи собираются! Посмотрим, как они взвоют на первой моей лекции!

— Хорошо, — сдался я, понимая, что выхода нет, а вход в магическую науку есть. И это — призыв. — Два дня на

подготовку хватит?

— Мы постараемся. Успеем. Спасибо, Дэлион. Мы справимся, — как-то уж очень радостно загалдели преподаватели. Некоторые даже закивали, глядя мне в глаза. В мысленной смете появились пустые графы. Нет, надо еще добавить. На всякий случай.

— Свободны, дорогие магистры. — Я махнул им рукой и развернул кресло, давая понять, что НАКОНЕЦ-ТО собрание закончилось! Я дожил!

Я встал и подошёл к окну, тяжело вздохнув, уткнулся лбом в прохладное стекло. Как же они не поймут, что не прими я этого закона, человеческие маги были бы обречены, так же, как и моя мама…

Глава первая. В которой добрые преподаватели решили провести ритуал

Некоторые говорят, что после смерти жизнь заканчивается. Может, жизнь и заканчивается, но не любовь.

— Вместо того чтобы заниматься Империей, он что сделал? Пошел ректором Академии магии! — послышался голос мужа. — Вот стоило только умереть, как все! Пропала Империя! Вот как чувствовал!

— А я всегда хотела, чтобы он пошел в науку. Я считаю, что это полезно. Наука — это вечный поиск! — умилилась я. Как же вырос наш сын.

— То-то я смотрю, что стекло лбом он уже нашел. Что дальше? Гранит грызть будет? — снова вспылил любимый

муж. Вот не выходите замуж за демонов, если вам неохота такое слушать. Люблю его, как в первый раз. Приятно знать, что и он любил меня. Не женился же после моей смерти, хотя там очередь была! И даже фаворитку не завел! Вот это я понимаю, верность.

— Ну почему ты так строг к нему? Ну хочет мальчик заниматься наукой, пусть занимается! — Я погладила черный доспех. — А что? Лучше бы он миры завоевывал?

— Пусть хотя бы мои завоевания сохранит, Каролина! Внуками он заняться не хочет? Империи нужны наследники! — обиделся мой любимый демон.

— А мальчику нужны подследники. Мне кажется, что у него ножки мерзнут. — Я смотрела на силуэт сына. В Академии по полу дует!

— Мозги у него мерзнут! Стекло холодное! — язвительно заметил мой демон, за которого меня угораздило выйти замуж по очень большой любви.

— Мне кажется, что ему пора найти хорошую девочку… Чтобы он за ней ухаживал, — вздохнула я, любуясь сыном.

— Щас найду. Из-под земли достану. Будет за кем ухаживать! — Мой муж куда-то собрался. А вот это уже нехорошо! Я его столько лет знаю, что это совсем не хорошо.

— Я немножко не это имела в виду! Милый, ты куда??? — Я попыталась схватить его за черный плащ, но не успела. Да, сынок, папа, он такой!

* * *

— Дэлион, у нас всё готово, — сообщил Бальдерс, ещё раз проверяя каждое плетение. — Через несколько минут можно будет начинать. Как раз остальные подойдут.

Конечно, чем больше нас, тем веселее твари. Как там в прошлый раз было? Кто не спрятался, тот — завтрак, обед и ужин.

— Хорошо, Баль. Спасибо, — отозвался я, даже не глядя на будущий портал, читая новый выпуск магического вестника и почему-то представляя наши фотографии в разделе «Соболезнования в связи с утратой». — Вот скажи мне, дорогой мой друг, неужели законы нашего Правителя и вправду из ряда вон?

— Ты стал интересоваться политикой, мальчик мой? — спросил Баль. Когда мы оставались наедине, он позволял себе такую вольность. — Что-то я не припомню, чтобы ректора интересовались чем-то большим, чем академическими реформами. — Старик хитро прищурился. — Или дело в другом?

— Просто ответить ты никогда не можешь, да? Болезнь Литаниэля заразна? Я помню, что ты сидел рядом с ним! Фу! Не подходи ко мне! — вздохнул я, откладывая газету и пытаясь понять, о чем думает старик. А он по-отечески улыбнулся.

— Сынок, правитель молод, но мудр. Я уверен, что все наладится, — отозвался он, перебирая книги на стеллаже в другом конце кабинета. А что это он так занервничал, что

телепортировался на несколько метров?

— А вот и я! — в кабинет влетел Фиэр с какими-то свитками и свечами. — Я всё просчитал! И все три раза проверил. Правда, три раза был разный результат, но это мелочи! Если мы настроим наш портал на другое измерение, то сможем…

— Отхватить не меньше, чем в прошлый раз, — перебил его Вальдер, входя в кабинет. — Сделаем всё по-простому. Как и договаривались!

— Ух, молодёжь! — донеслось откуда-то из стеллажей. А я тяжело вздохнул. Вот как чувствовал, что это плохо закончится. Похороны мы оформим отдельной сметой. Я вот сейчас сижу и думаю. У выживших будет сложный выбор. Либо достойные похороны товарищей, либо новые стекла в Академии. Я бы выбрал стекла.

— Господин ректор, доброе утро! — В кабинет вошла Агата, всем своим видом показывая, что оно совсем недоброе. — Рада видеть, что голова вас больше не беспокоит.

— Голова меня уже не беспокоит. Меня кое-что другое беспокоит. — Я благодарно кивнул, изобразив улыбку. — Как вы думаете, пентаграмму можно считать болезнью?

— Так, почему ещё не все в сборе? Где Матильда? — Ириса нервно шарила глазами по кабинету. — МАТИЛЬДА!!!!! МАТИЛЬДА!!!!!! Ты струсила? Если нет, труси сюда!

— Да иду я, иду! — В дверях кабинета показалась Матильда. Вид у нее был такой, что мы ее поставим в первых

рядах, рядом с Литаниэлем. Цыц! Это новая тактика. Сначала бедная тварь видит нечто большое, взъерошенное и чумазое, а раздается голос Литаниэля: «Ты — тварь!» Мне, например, было бы вполне достаточно, чтобы заползти обратно в портал, а потом попытаться забыть это как страшный сон.

— Мы сегодня вызываем ученика! — объявил, замерев от предвкушения, обладатель лаврового венка, держащегося на острых ушах. Ой, а мы и не знали! Я-то думаю, чего мы тут собрались? Вот беда! А тут Литаниэль пришел и напомнил! Я приберегу его для маразма. Такой, как он, просто незаменим! — У нас же одного не хватает! — продолжил эльф. Сурова и беспощадна эльфийская логика. — Один! — Литаниэль поднял палец. — Всего одного не хватает! — Я мысленно хмыкнул: да нет, мы человек пятьдесят вызовем, а потом отберем. Кого-то сразу отчислим… Всё под контролем.

— Дэль, как голова? — внезапно спросил Литаниэль. — Я могу тебе сделать особый эльфийский чай по древнему рецепту.

— После твоего чая в прошлый раз я Вальдера с уборной снимала! — подметила Агата. — А потом уборную пришлось закрывать на ремонт. Ты с грибами завязывай. Я тебе как целитель говорю. Не смотри на меня так! Меня не проведешь! Я уже все симптомы твоего чая знаю!

— Вот благодаря этому мы живем почти вечно, — обиделся Литаниэль, тоскливо посмотрев в окно. — Очищение организма по эльфийской методике очень помогает при го-

ловных болях.

— Ну, отвлекся, — поежился Вальдер. — Эпицентр боли переместился ниже.

— Всё готово! — прокашлялся Бальдерс, делая торжественное лицо. — Можно начинать! Фиэр, будь внимательным! Заклинание призыва требует много энергии, у нас только один шанс!

Если сейчас Литаниэль скажет про один шанс, то у него будет только один шанс убежать.

У меня одного плохое предчувствие? Все заняли свои места по углам пентаграммы. Я на всякий случай держал заклинание наготове. Фиэр начал заунывно читать заклинание. Пол стало потряхивать, рисунок засветился синим цветом. Момент истины! И…

— Именон, сделар… Силцзус, итториш иез… — бубнели все.

ИЕЗ???? Мир, где вообще нет магов? Да они с ума сошли!

— Остановите ритуал! В том мире нет магов!! — заорал я, но было поздно: в середине пентаграммы уже лежала рыжеволосая девушка…

Глава вторая. Лиора

— Акакукс! Ну сколько можно ждать! — негодовал Император, нервно нарезая круги по моей лаборатории. Его плащ постоянно сбивал со стола колбы с зельями и растворами. Не император, а наказание! — Прошло уже четыре года! А Хранитель так и не привел её обратно! Столько сил было поло-

жено! А сколько времени мы уговаривали оборотней, чтобы кто-то стал хранителем. Мы туда уже сто портретов отослали! Мне кажется, что нет такого оборотня, который не знает ее в лицо!

— Мой Император, они просто принюхивались. Сами знаете, оборотни очень привередливые. Им нужна истинная пара! — учтиво заметил Акакукс, вспоминая лохматых незлым тихим словом. — Зато они — лучшие телохранители. Особенно, если пара истинная!

— Истинная пара звиздюлей им нужна! — прорычал Император. — То-то на меня четыре покушения было! Четырех убийц проворонили!

— Я бы удивился, если бы вы оказались чьей-то истинной парой, — скромно заметил Акакукс. — Мне всегда было интересно изучить данный механизм! Вот если бы я знал, то тогда было бы проще! Тогда можно было бы при помощи зелья или магии настроить его на нужного человека. На вас, например!

— Акакукс! Я запрещаю этот эксперимент! Не хочу поворачиваться к охране спиной, видеть текущую слюну и дебильные глаза: «Любимая!» Меня сейчас интересует судьба девочки! — рявкнул Император, на всякий случай оборачиваясь.

— Терпение, мой Император! Он приведет её тогда, когда она будет готова! — Акакукс закатил глаза, уже в тысячный раз, объясняя Императору, что Хранитель сам решает, когда

подопечная готова. — Если не в этом году, то в следующем она обязательно поступит в Академию Магических Плетений!

— НЕТ! — взревел Император так, что бедный Акакукс почувствовал, как что-то сжимается. И почему-то это «что-то» очень созвучно его имени, которым он очень гордился.

Еще бы! Это имя было дано ему в честь самого первого мага, сумевшего одолеть в неравном бою демона. Историки расходились во мнениях относительно того, было ли это имя у мага изначально, либо появилось после того, как демон был уже побежден.

Или эффект внезапного нападения сработал на «ура», или же добрые родители решили сильно не заморачиваться, устав стирать пеленки.

— ОНА ДОЛЖНА ПОЯВИТСЯ ЗДЕСЬ НЕМЕДЛЕННО! Я И ТАК ПОСТУПИЛ МАЛОДУШНО, ПРЯЧА ЕЁ В ДРУГОМ МИРЕ! — Император стиснул зубы. — Я обещал сохранить ей жизнь. Любой ценой. Я бы не смог одновременно защищать и ее, и своего сына.

— Вы приняли тогда мудрое решение, Ваше Императорское Величество, я прекрасно знаю эту историю, — красноречиво вздохнул Акакукс. — Я там был. И сам все видел! Не тревожьтесь. Хранитель сам знает, когда вернуться.

— НЕМЕДЛЕННО! — твердил Император, расхаживая по лаборатории. — Быстро! Что смотришь? Делай что-нибудь!!!

— Всему свое время, — повторил Акакукс, увлеченно выверяя новую формулу зелья, которую нужно записать и в новом учебном году показать студентам.

Руки его дрожали, а он заметно нервничал, приговаривая сам себе, что покушение на жизнь Императора посредством невнимательности в добавлении ингредиентов расценивается как государственная измена. Но всегда есть шанс, что пепел Акакукса сдует ветром раньше, чем сюда прибежит стража. И это уже будет расценено как попытка побега.

— СЕЙЧАС! — Император ударил кулаком по столу, а склянки звонко подпрыгнули.

Акакукс уже понимал, что спорить с некромантом — себе дороже. И смерть не является причиной остаться при своем мнении. Есть вероятность, что после смерти тебя будут поднимать еще раз пятьдесят, чтобы донести до твоего сведения еще пару интересных доводов. Вращаться в гробу Акакуксу не очень хотелось, поэтому он решил сдаться.

— Я свяжусь с хранителем, но это не гарантирует её появление здесь! — заметил маг, понимая, что где-то его ждет веревочка и дружная группа поддержки, которая с радостью проследит за казнью. А где-то его ждет разъяренный хранитель, с которым тоже спорить себе дороже. — А спорить с хранителем я не стану! Мне ещё проблем с Хранителем не хватало, и так учебный год на носу! А у меня еще ни труп не валялся, ни учебник не дописан. Не смотрите на меня так! У меня большие научные планы на этот год! А ваш сын за-

служивает лучшего учителя.

Никогда еще Акакукс не был так прекрасен и красноречив, как сегодня.

— Примите мои сердечные поздравления! Ваш сын, будущий Император, поступил на первый курс! — радостно заметил Акакукс, изображая такую радость, словно уже лично выдал ему диплом.

— Ты его можешь научить и дома! — буркнул Император, тяжело вздохнув. — Нечего ему делать в Академии.

— А вот и есть что! Студенческая жизнь, общение со сверстниками, первые впечатления! Как же без этого? Первый поцелуй! Первая двойка! — мечтательно вздохнул Акакукс, высовывая язык от усердия и капая в колбу какую-то зеленую, маслянистую дрянь.

— Какая двойка? — сощурил глаза Император.

— Двойка? Я сказал «двойка»? Нет, он будет у нас отличником! — тут же исправился Акакукс. — До начала учебного года два дня! Время еще есть. Только учтите, что если ее Хранитель скажет «нет», значит, нет!

Император, скрипнув зубами, вышел из лаборатории.

* * *

Акакукс

Данталион по праву считался великим правителем, сильным, мудрым, справедливым… Но к власти он пришёл не так давно, около четверти века назад, во время Великого противостояния Некромантов с Орденом Белых.

Это была страшная и кровопролитная война, которая длилась много лет. Если вкратце, то с криками «Ах вы, сволочи, грязные! Осквернители трупов и могил!» Орден Белых решил отстирать мир от проклятой некромантии. Но некроманты умирать категорически не собирались.

Они даже не собирались собираться в кучки, чтобы их удобнее было истреблять, поэтому тихонько прятались. Еще бы! Кому охота познакомиться на том свете со своими подопытными? Орден Белых был очень изобретательным и совсем не избирательным.

Однажды он даже арестовал целую партию плакальщиков на одних похоронах: их крики «Вернись к жизни! Не покидай нас!» были расценены как попытка некромантии. Они убивали целые семьи, казнили тех людей, кто ютил или прятал некромантов у себя.

И вот однажды, после публичной казни очередной семьи некромантов перед дворцом Белых, Данталион решил действовать и собирать ополчение. К нему примкнул один из сильнейших боевых некромантов того времени, Вальдемар.

Ему, как и Данталиону, было за что сражаться — у него была дочь, маленькая Лиора. Да-да! Та самая рыжая егоза, которая никогда не могла усидеть на месте, ей всегда нужно было сунуть везде свой любопытный нос. Эта маленькая бестия не могла выговорить моё имя, поэтому звала меня попростому, как могла… Какушкой… Бедное дитя…

В серо-голубых глазах всегда были озорные огоньки и

неизмеримое обожание отца. И он любил её, безумно, безмерно. Наверное, именно так и любят родители своих детей, больше своей жизни. И во время одного из боёв он передал малышку другим, чтобы она выжила, его малышка, его кусочек великого круга на небосводе. А перед смертью взял с Данталиона клятву, что тот присмотрит за ней и вырастит как родную.

С момента гибели Вальдемара прошло ещё полгода, прежде чем война была закончена. Казалось бы, всё утихло: Данталион взошёл на трон, положив конец власти Ордена. Но преданные служители белых так и не оставили попыток отомстить Владыке и, кстати говоря, мстят до сих пор. И не только ему. Сейчас они кучкуются там, где волки срать боятся, то есть в Империи Оборотней.

Данталион не мог защитить всех. После войны он был ослаблен, его люди — истощены и измотаны, и Лиору бы мы не уберегли.

Нет, ее не убили, хотя пытались. Я сам был тяжело ранен, а когда оправился, предложил Владыке спрятать девочку в другом мире, подобрать ей хорошую семью, а когда она достигнет двадцатилетнего возраста, первого совершеннолетия, к ней отправится Хранитель и приведет её обратно в наш мир тогда, когда она будет готова… Вот только хранитель задержался в том мире!

И вместо того чтобы привести ее обратно, он, судя по последним данным, с радостью ест какой-то собачий корм, сли-

зывает со стола бутерброды, гоняет кошек на деревья и делает все, чтобы никто из соседей не заподозрил, что это — не обычная собака. Недавно у него нашли клеща. Ветеринарную клинику он запомнил навсегда. Так же, как и она его. И чем он только думает? Эх… Что-то мне подсказывает, что он просто не хочет с ней расставаться. Он же всего лишь хранитель. И как только выполнит свою миссию, вернется обратно в стаю.

Я уже был у оборотней, наводил справки, но они в упор не знают, кто пошел Хранителем. Тем более что им сейчас не до хранителя. Старший сын Императора, наследник престола, похищен вампирами. И теперь вампиры требуют, чтобы оборотни стали частью их Империи, склонили головы и согласились на их условия.

Глава третья. Хранитель — оборотень

Она влетела в квартиру, а я спрятал лапой ее трусы под батарею. Да! Они так и валялись. Я вообще здесь ни при чём! Кто это сделал? Правильно! Не я.

— Каратушка! — обрадовалась Ли, почесывая меня за ухом. Нет, женщина может доставить мужчине удо… удо… я умираю… Все, я закончил… — А у меня для тебя отличные новости!

Так! Какие новости? Я сгораю от нетерпения? Лифчик купила? Мерить будешь? Мммм! А я на кроватке поваляюсь. Мужчина должен лежать на кровати, когда женщина меряет белье. Даже если он собака. И тут у нее зазвонил телефон.

Так! И кто это у нас? Обезяиченный Сергей? Или Рома с зашитой задницей? Кто бы это мог быть? О! Это же Дима! Дима Вкусная Нога! Отличный мужик! Хотя нет, Дима обычно приезжал. Значит, кто-то другой. Спорим, это Толик «Ой! Убери свою собаку!»? Неплохой парень. Штаны красивые. Были.

— Да-да, — как-то нежно проворковала в трубку Ли, а я прищурился. Ты там меня чешешь? Или с кем-то по телефону лялякаешь! Определяйся, кто тебе дороже. — Сегодня?

В голосе слышалось удивление. Ли посмотрела на меня, а у меня перед глазами ветеринары со шприцами замельтешили. Хороший доктор Виктор Константинович. Однорукий уже, видимо.

— Отлично! — расцвела Ли, а я прислушался. — Конечно, приезжай!

Трубка легла на тумбочку, а меня расцеловали в нос. Подозрительно! Туфли были сняты в коридоре. Я смотрел на них и выносил приговор. Ладно, сегодня помилую! Так и быть! Брендовые!

Ну? Что там? Подробности будут? Нет, шоколадка вкусная, и фантик шуршит прикольно. Но я жажду подробностей!

— Сегодня у тебя праздник! — Меня потрепали по холке. Так, стоп! Какой праздник? Пять лет в шкуре собаки? Годовщина… Или пять лет, как засранец Аарон занял мой престол? Погоди! С днем первой блохи? Мы его отмечали в

прошлом месяце. У меня до сих пор шерсть воняет аэрозолем. Клещи проснулись? Не томи!

— Ну что ты так разнервничался, — лукаво улыбнулась Ли, гладя меня по носу. Эта женщина знает толк в ласках. Хотя нет, она еще девушка. Я за этим слежу! — Это будет сюрприз!

Так, какие сюрпризы были недавно? Новый ошейник? Новый поводок? Миска новая? Мячик? Да еще после того не прокакался! Кто ж такие мячики хреновые делает! Косточка? Мне что, опять лежать и делать вид, что грызу ее?

— А вот и они! — Ли запахнула халат, доела шоколадку и бросилась к двери. Погавкать, что ли? Ради приличия? Ав! Ав! Пошли вон! Без вас холодильник пустой! Ав! Все, справился.

Дверь открылась, а я принюхался. На пороге стояла девица в черных невкусных сапогах. Так, кто мне тут решил бабу подарить? Наложницы мне не нужны! Я и сам иногда нахлебник!

— Невеста пришла! — Ли потрепала меня, глядя на меня счастливыми глазами. Нет, я жениться пока не собираюсь! Молод еще! Тем более на Невкусных сапогах!

Передо мной сгрузили какую-то хрень. Лупоглазая и стремная, как моя жизнь в Академии Темных Властелинов.

— Это твоя невеста! — умилилась Ли. — Только не обижай ее!

Ее природа уже сильно обидела! Куда мне до матуш-

ки-природы! Так, а где тут перед? Может, ей уже кто-то глаза на задницу натянул?

— Мотя! — ласковым голосом произнесла хозяйка, подталкивая охреневшую Мотю в мою сторону. Ой, чую, что сразу задницей. — Не стесняйся! Видишь, хвостом виляет! Ты ему понравилась!

Кто? Кто мне понравился? Я хвостом виляю всегда! Привычка!

На меня смотрели два охреневших карих глаза. Нижняя челюсть Моти выпирала так, что я поежился.

— Ну Матильда, ну принцессочка, ну чего ты? — умилились девушки, пока я пытался докопаться до истины. Но не в том смысле! — Смотри, какой красавец!

Ага! А что? Мне эту жабу нужно лизнуть, чтобы она стала нормальным оборотнем? Эй, чего вы на меня так смотрите? Она в моем вкусе, но не как собака. А как приятное дополнение к корму!

— Мотенька! — Ко мне подпихнули ногой в носке дрожащее лупоглазое чудовище. — Завлекай мальчика!

Мама! Роди меня обратно! У нее хвост, как штопор!

— Карат! — строго произнесла Ли, а я посмотрел на нее с такой грустью, от которой ее сердце должно дрогнуть. — Ну-ка! Я хочу щенков!

А я хочу, чтобы эта невеста мне никогда не снилась. Чтобы я не просыпался ночью и не смотрел в пустоту странным взглядом.

— Ну, первого мы отдадим вам, — произнесла девушка. Что?!! Мне еще щенков воспитывать?

— А прикинь, какие лапочки будут! — умилилась Ли, шурша фантиком от конфеты в кармане халата. — Пушистые, как Карат с мордочкой Моти.

Вы хотите, чтобы я после этого уснул? Да я вообще из-под кровати не вылезу, пока этот крокодил не вырастет!

— Ну же, — подбадривала меня Ли, пока Мотя дрожала, лежа на спине и скосив выпученные глаза. — Проявляй инициативу!

Ой, что-то у меня с сердцем плохо… А может, мы просто погуляем? А? Я готов даже палку принести, но не кинуть ее в это… Ой, как же тебя так раскозявило!

— Залезай на нее сверху! — подсказывала Ли, тут же обращаясь к хозяйке Моти. — Просто у него еще никогда не было девочки, вот и растерялся! Он у меня девственник!

— Аааа! Тогда понятно! — согласилась хозяйка Моти, и мы перекочевали на кухню. Девочки уселись пить чай, а лупоглазое чудовище смотрело на меня так, словно я уже съел ее заднюю половину.

— Он просто стесняется, — оправдывалась Ли, глядя на меня, мол, как тебе не стыдно! Я? Стесняюсь? Да у меня три наложницы было! Я такое вам показать могу…

— О! Видала! Смотри, вылез! — Ли ткнула пальцем, а я спрятал лапой. Нет, мне, конечно, как мужчине, это льстит… Но уберите от меня это чудовище! — Она ему нравится! Точ-

но нравится! Просто они еще не познакомились! Каратушка, ну для начала нужно познакомиться с дамой. Понюхай ей попу!

Что?!! Зачем?!! Тут и без попы ясно, что полная задница! Так, Мотя, или как там тебя? Ты че там нюхаешь? Не понял! Аааaа!

— Она его за хвост укусила! — ужаснулась гостья, пока я смотрел на помесь пиявки и крокодила, висящую на моем хвосте и уставившуюся на меня жалобным взглядом. — Мотя! Плюнь!

Мотя плевать не хотела. Она крепко держала меня за хвост, пока я пытался скинуть ее передней лапой.

— Он, представляешь, — начала Ли, со звоном помешивая сахар в кружке. — Не дает мне с парнями встречаться! Стоит только мужика в дом привести, так сразу что? Правильно! Бросается на них… Я вот и подумала, что ему девочку нужно! А тут проблема! Он у меня смесь водолаза, овчарки и немножко сеттер.

Сама ты, немножко сеттер!

— А моя на попе катается! — Хозяйка Моти пожала плечами. — И воет на луну. Прямо как оборотень!

Если ты, Мотя, оборотень, то я, наверное, попрошу политического убежища под столом!

— Кара! Ну чего ты! Не вздумай скалить зубы на Мотеньку, — распереживалась Ли, снимая с ноги тапок. — Сейчас придет злой тапок и даст тебе по попе!

О, тапок — еще тот садист… Я прямо трепещу! Эх, Ли, если бы ты знала… Ладно, сделаем вид, что боимся тапка… Так и быть…

— Видала? — усмехнулась Ли, глядя на меня взглядом «Я все про тебя знаю!» — Тапка боится до ужаса! Я его с детства тапком воспитывала!

Ага, а я ее с детства на шоколадку дрессировал! Давать мне ее по первому требованию. Но я же не горжусь этим? И не хвастаюсь перед Мотей! Так, а где эта помесь обезьяны и крокодила?

— Мотенька, ты домой хочешь? — жалобно произнесла хозяйка этого лупатого безобразия, которое карабкалось по ней изо всех сил маленьких лапок. — Ну поиграй с Каратом!

Ага, и разбей мне сердце…

— У нее течка недавно началась! — анонсировали мне, ссаживая Мотю на пол.

Поздравляю! Я так счастлив, я так рад! А ну пошла отсюда, крокодилица! Не стоит у меня на тебя! И не надо мне тут своей поросячьей попой вертеть. Ой, а у Ли трусики видны… Ммммм… А ну-ка! Сейчас уткнемся и проверим! Я поднял носом халат, скользнул мордой и блаженно закатил глаза. Да, и почеши меня… Да… Да…

— А может, им в мячик поиграть надо? Ну, Карат, показывай свои игрушки! Рассказывай Моте, чем ты занимаешься, пока меня нет? — Ли встала со стула, а я посмотрел на Мотю.

— Мотя, ты Ницше читала? — спросил я. А Дюма? «Граф Монте Кристо»?

Мотя моргала большими жабьими глазенками. Эх, вот что значит неэрудированная собака.

— Ну-ка, — игриво произнесла Ли, заглядывая под диван. Трусики снова показались, сводя меня с ума. — Где наш мячик? А вот и наш мячик! Мотенька, держи!

Бе! Я после этой слюнявой его даже в пасть не возьму! Я смотрел, как экскаватор ее пасти загребает мяч, и отворачивался.

— Ладно, — расстроенно произнесла хозяйка Моти, вставая со стула. — Видно, не судьба! Мы пойдем, наверное.

Идите! Идите! Я так радостно прыгал, что едва не повалил Ли на пол.

— Пока! Может, надумает, — послышалось гулкое в подъезде.

— Тяв! — противно выдала Мотя.

— Мячик можешь оставить себе, слюнявая тварь! — негромко произнес я, пока мне пытались вернуть комок слизи.

— Кто это сказал? — всполошилась хозяйка Моти. — Ты слышала? Какой-то мужик!

— Да сосед, наверное, — пожала плечами Ли. — Если честно, я не услышала… Удачи вам!

И дверь закрылась окончательно. Все! Отстрелялся!

— Ладно, значит, попробуем водолаза! — авторитетно

произнесла Ли, потрепав меня по голове и набирая номер. Караул! Спасите!

Пара дней прошла на редкость спокойно.

Я спал поверх корзины с бельем, которую заботливо перевернул, дочитывал книгу Никколо Макиавелли и параллельно с увлечением переживал приключения детей капитана Гранта. Особая сложность была не просто взять книгу, но и поставить ее на место.

Я вставал на задние лапы, поглядывая на верхние полки старой библиотеки, с досадой понимая, что доберусь еще до них. Ли купила новое белье. Видимо, собиралась на свидание. Наивная! Этикетка валялась рядом с диваном. А я с наслаждением посматривал на остатки трусиков.

Дверь открылась, я со всех лап бросился встречать и проверять сумки.

— Все, все! — смеясь, отбивалась Ли, пока я уже косился на пакеты. — Маленький «чокупила»! Прекрати! Все! Погоди! Сегодня тебя ждет сюрприз!

Нет! Только не сюрприз.

— Она тебе точно понравится! — чесала меня Ли, собирая мою морду в «шарпея». — Сейчас Игорь приедет! С графиней!

Так, а вот это точно сюрприз! Особенно то, как Ли покраснела при этом загадочном «Игорь»!

Это что у нас за аристократы? Графин и графиня… Ну-ну…

— Представляешь, какие щеночки у вас будут! — умилилась Ли, едва не пустив скупую слезу. — Пушистенькие милаши! Графиня очень умная!

Ага, логарифмы в уме щелкает! Прямо вижу, как мне теорию Дарвина втирают!

— А вот и они! — обрадовалась Ли, озабоченно глядя в телефон. — Что-то они немного раньше! Уже поднимаются!

— Пошли вон! Вон пошли! — орал я на своем языке, пытаясь оттеснить Ли от двери.

— Ну чего ты разлаялся? — удивилась Ли, пока я прикидывал, кого мне приведут! После того крокодила у любого нормального мужчины еще долго не встанет вопрос размножения!

— Входите! — проворковала Ли, пытаясь оттеснить меня от двери. Я замер, когда в двери показалась морда размером с три моих. Мне кажется, я даже сел на попу от неожиданности. Здрасте!

— Я тут конфет купил к чаю! — Следом за огромной собакой размером с три меня втиснулся какой-то пижон в узких джинсах с мерзлыми щиколотками. У пижона был внушительный лопатник бороды, а на ногах яркие огромные кроссовки. Мне казалось, что именно в таких кроссовках мафия кидает с пирса всяких дрыщей для большей вероятности утопления.

— Графиня! — обрадовалась Ли, бросаясь к огромной равнодушной морде. Простите, это кто из нас кого должен?

Судя по размерам, хозяину ее нечем кормить, вот и водит он своего слона на поводке по гостям. — Это же водолаз? Да?

— Нет, это тибетский мастиф, — снисходительно произнес Игорь, а Ли попыталась подтащить меня к огромной даме, бесцеремонно усевшейся на всю обувь в коридоре. Лохматая, слюняво-равнодушная, она смотрела на меня взглядом «Полезай на меня, парнишка! Доставь маме удовольствие!» Я чувствовал себя очень подкованной блохой, упираясь изо всех сил.

Не хочу быть погонщиком слона! Выпустите меня отсюда!

— Давай закроем их в спальне, — предложила Ли в надежде, что романтическая обстановка разбудит во мне самца. Не разбудит! Самец в обмороке!

— А может, сами в спальне, — улыбнулся Игорь, а я мысленно оттаскал его за бороду. — Я пошутил! Графиня, лежать! Так просто Карату будет проще на нее забраться!

Ага! Несите седло! Мне казалось, что таких мутантов выращивают на случай ядерной войны с предполагаемым противником! Я читал про такое! И смотрел фильмы!

— Смотри, Груня такая игривая сегодня! — Игорь улыбнулся. Кто? Груня? Груня посмотрела на меня взглядом «Иди ко мне, мой шладкий!» — Обычно она плохо реагирует на мальчиков!

Я скоро буду цвета моего покойного дедушки! Серебристый волк!

— Каратушка, — нежно проворковала Ли, пока я пытал-

ся представить картинку моих свисающих с барышни лап. Бррр! — Не стесняйся! Смотри, какая красивая! Он у нас немножко сеттер!

И слегка трус! Меня тащили в сторону «большой любви», но я упирался лапами, подозревая, сколько моих предшественников лежит с откушенной головой.

— Он очень привередливый! — пояснила Ли, улыбаясь Игорю. — Как все мужчины!

— Груня! Ну поиграй с Каратом, — предложил Игорь, потрепав огромную морду тощей рукой. Я на секунду представил, как мною играют. Сначала моим тельцем, потом моим сердцем. А потом Ли вытирает то, что осталось от меня разорванной тряпочкой.

— Разувайся, — ласково произнесла Ли, упорхнув на кухню.

— Хороший мальчик, — попытался погладить меня Игорь, а я окрысился. Сейчас кто-то будет бородатой девочкой! Руки прочь!

Груня посмотрела на меня очень выразительно, и мне очень перехотелось рычать. Мне казалось, что если она зевнет, то в ее пасть втянет всю комнату.

Я упирался, пока Ли тащила меня в спальню. Груня послушно шла, едва не снеся тумбочку с ключами. Дверь закрылась, а я остался наедине со своей «любовью». Груня с деловым видом забралась на нашу с Ли кровать, улеглась и зевнула. На кухне слышалось хихиканье Ли. Тебе этот анек-

дот уже в пятый раз рассказывает! Неужели не запомнила?

Внезапно Груня решила, что сексу быть. Полежав немного, отдохнув перед оргией, она сползла с кровати, отряхнулась, обдав меня ведром слюней и стала надвигаться на меня, виляя хвостом. Она загоняла меня в моральный и физический угол между шкафом и стеной.

— Сидеть! — приказал я, глядя на «невесту». — Лежать!

Груня вздохнула, как бы сетуя на женское одиночество.

— Просто в городе нет тибетских мастифов, — послышался голос Игоря. — Мальчиков. Есть еще одна девочка. На выезде.

Огромная морда полезла нюхать мое достоинство, вызывая чувства стремные и противоречивые.

— Пошла вон! — прошептал я, но Груня самозабвенно что-то вынюхивала там. — Фу! Нельзя!

— Груня у нас глухая, — послышался вздох Игоря. — Но это приобретенная глухота. Так что по наследству не передается…

Я отчаянно пытался найти убежище. Огромный сюрприз сгреб меня лапой, намекая, что от секса я уже не отверчусь!

Глава четвертая. Лиора

Я быстрым шагом шла по знакомой улице, считая дома и мысленно готовясь к встрече с моим единственным мужиком в доме.

Дома меня ждал мой любимый пес и уборка, которую я откладывала ещё с прошлой недели.

Шерсти уже дома было столько, что впору открывать свой маленький бизнес по вязанию и продаже носков из собачьей шерсти. К слову, у меня очень странная собака, во-первых, это какая-то неопознанная науке порода. Все ветеринары, к которым мы обращались, просто разводили руками. Все как один говорили, что это не дворняжка, а какая именно порода — точно установить не могли.

Один сказал, что смесь болонки и волка. Как, где и при каких обстоятельствах случилась эта неземная страсть, я не знала, но результат радовал меня и согревал, когда в доме отключали отопление.

Безумно красивый Карат имел густую, с подпушком, коричневую кудрявую шерсть, пасть размером с антресоль и невероятно красивые огромные желто-коричневые глаза, обрамленные густыми ресницами.

И почему-то его глаза светились в темноте, поэтому каждый раз, когда посреди ночи на кровать карабкается эта тушка, с горящими, как фары автомобиля, глазами, я мысленно пила валерьянку.

Я знала, что на свете есть умные собаки, но никогда не догадывалась, что они могут быть настолько умными! Карат прекрасно знает, как открывать холодильник, что можно оттуда взять и съесть.

Однажды я видела, как он ставит чайник, расплескав половину воды на стол и пол. Холодильник — это наше всё, поскольку поесть Карат любил. И когда я вылавливаю лож-

кой знакомую шерсть из кастрюли с супом, я всегда знаю, что одна морда уже проверяла ее содержимое.

Кстати, о Карате, не мешало бы купить вкусняшку и порадовать своего малыша. Я мысленно представляла, как разворачиваю ее перед его носом, а потом медленно опускаю в слюнявую пасть. Чтобы потом еще полчаса наблюдать за пушистым виляющим хвостом, торчащим из-под кровати, и слушать звуки, как из фильма ужасов гастрономической направленности «Чав-чав!»

Личная жизнь у меня не задавалась.

Может, требования мои были слишком высокими, а может быть, банально я ждала того, что мне нужно, от тех, кто этого мне дать не может? Я всегда хотела найти молодого человека, похожего на папу. Высокого, сильного, чтобы он меня любил так же, как любит папа маму.

С папой всегда было чувство душевного комфорта, чувство защищённости. Он понимал меня всегда с полуслова, поддерживал и обнимал, повторяя, что я — его маленькая принцесса.

А когда мама требовала, чтобы он меня поругал, папа подходил ко мне, подмигивал и начинал бухтеть, что-то из разряда: «ай-яй-яй, нельзя так делать, дочка». Вспомнила — и на глазах выступили слёзы… Папа… Смахнув непрошеную слезу, я улыбнулась. Ты всегда со мной… Вы с мамой всегда со мной…

Забежав в магазин и купив всё нужное, я полетела к оста-

новке, настолько быстро, насколько позволяли сумки… Как всегда, заходишь купить хлеба и «нанаку» для Карата, а при выходе из супермаркета приходится ногой заталкивать покупки в три пакета. «Нанака» — это отдельный разговор. Короче, все вкусное, что отправляется в пасть Карата, это — «нанака». Не знаю, откуда появилось это смешное слово, но то, что мой умный пес при слове «нанака» тут же открывает рот, мы уже выяснили опытным и подопытным путем.

Город маленький, автобусы ходят строго по расписанию, и я как раз успевала.

Фуууух! Тяжело-то как! На остановке толпилась куча народу, напоминая стайку сурикатов до прилета коршуна. Кто-то рассказывал про свадьбу, кто про подорожание яиц, кто-то возмущался по поводу цен у бабушек на рынке, кто-то ругал коммунальные службы за их работу — в общем, жизнь города текла своим, размеренным чередом.

Переполненная урна, реклама какого-то нового ресторана, «девушка, не проходите мимо! Возьмите! Вам окна не нужны?» Каждый день здесь похож на предыдущий, растворяясь на этот раз не в зимней стуже, не в осенней грязи, а в запахе цветов чужого букета, который бережно везли какой-то счастливице.

— Думаешь, простит меня? Нет, ну Ленку я тоже не брошу! А к Машке привык! Тем более, что у нас с Машкой дети… — бухтел по телефону «букет». — Простит, да! Ну и отлично! Нет, ну знаю, что мой косяк! Кто виноват, что Машка

с работы раньше пришла и нас застукала?

Или не счастливице… Я, пожалуй, отодвинусь подальше от таких подарков.

Весна в этом году пришла рано и, как полагается в межсезонье, асфальт у нас смыло вместе с водными потоками. На дороге образовались довольно глубокие ямы, в которых скопилась вода, а проезжающие автомобили никак не могли их объехать, устраивая нам всем грязевые ванны.

— Девушка, а как мне доехать до центра? — пристали ко мне. Отлично, у нас есть два автобуса. Всего два. Пока я объясняла дорогу, подъехал наш автобус, в который мы стали дружно набиваться. Если вы думаете, что объединяет людей, то я вам отвечу — переполненный автобус!

Отлично, теперь двадцать минут сардинкой, десять минут кузнечиком до подъезда, перепрыгивая лужи, и я наконец-то дома. Время близилось к пяти часам вечера.

На небе стали появляться первые розовые всполохи заката. Казалось бы, скоро-скоро случится настоящее чудо. У меня всегда весной появляется какое-то особое настроение! Молодая листва, которая только-только пробивается из почек, на фоне закатного неба смотрелась просто волшебно! Как же я люблю это время года!

Но есть и другая сторона: после прогулок с Каратом каждый раз приходится мыть ему лапы. После каждой прогулки Карат прыгал в ванную и самостоятельно мыл лапы в набранной заранее воде. А я, как заправский помощник, мочи-

ла свидетелей уличной грязи тряпкой, размазывая их в коридоре.

По пути домой в голове крутились детали последнего заказа на дизайн интерьеров. В принципе, ничего сложного, да и любимую мою цветовую гамму выбрали.

Нежно-персиковую, с белыми вензелями. Конечно, времени это займет немного, и мои руки наконец-то дойдут до оформления группы в соцсети по продаже носков. Заказчики верят, что заказ носков через интернет — это ноу-хау.

Но пока что в бюджете у них дырка, которую они никак не заштопают! Зато дизайнера дёргают почём зря с промежутком в двадцать минут, причем, с такими претензиями, что мне самой хочется выкупить у них всю партию носков и засунуть им в рот. Ненавижу таких клиентов!

Едва я успела открыть дверь, как меня просто смело обратно на лестничную клетку. Макияж уже был слизан, поэтому на средствах для снятия я могу спокойно экономить.

— Тише, Кари, тише! — Я пыталась прорваться в квартиру, а меня вылизывали так, словно в последний раз я была дома лет десять назад!

Мой любимый пёс каждый раз радуется моему приходу так, как будто меня не было неделю, даже если я вышла на пять минут в ближайшую продуктовую палатку.

— Я тебя тоже люблю! — шмыгнула носом я, пытаясь затолкать его обратно в квартиру. — Слушай, Кар, ты каждый раз радуешься так, словно я два года назад сказала тебе: «Я

сейчас вернусь», а сама отправилась в пешую кругосветку! Ну прекрати! Все… Все…

Забрав у меня тяжелые пакеты, Карат счастливо потрусил на кухню. Я закрыла дверь и разулась. Сколько же силы и выносливости у этой собаки! Я их еле несла, а он схватил и даже не поморщился! Так, слышу: зашуршал, полез проверять, принесла ли я «нанаку» или нет.

— Колбасу не трогать! — предупредила я, а чавканье прекратилось. Не успела! Колбаса мне уже недевственницей достанется.

Из кухни появилась расстроенная морда Карата, мол, не злись. Я и тебе кусочек оставил! Кто за кем в нашей семье доедает — это еще не ясно.

— Ну как тебе? — Я покрутилась перед Каратом, тряхнув головой, чтобы волосы рассыпались по плечам. — Здорово, правда?

Карат посмотрел на меня странным взглядом, который сложно передать словами, фыркнул и полез в холодильник. Н-да, спасибо за поддержку, дорогой мой друг. Мог бы и заметить, что у меня лохматость повысилась! Я себе волосы, между прочим, нарастила! Я, значит, замечаю, а ты нет… Ну-ну!

Веник и совок намекали, что пора зарегистрировать индивидуальное предприятие по производству носков, варежек и шарфов. Правда, все они будут коричневого цвета, зато можно будет сразу вязать комплекты, которые будут идеаль-

но гармонировать между собой.

— Опять весенняя линька? — спросила я, выбрасывая стартовый шерстяной капитал в ведро.

Пока я включала ноутбук, чтобы оценить фронт работ на сегодняшний вечер, на кухне громко бахнула дверца холодильника. В дверном проеме показалась счастливая, сытая моська моего пушистого приятеля.

— Может, ты погулять хочешь? На вечер у меня много работы, давай сходим сейчас? А после прогулки дам «нанаку», — вздохнула я, чувствуя, что мне так не хочется сейчас что-то делать.

Жизнь показывает, что я могу легко быть переговорщиком у полиции. Карат задумался и, как всегда в такие моменты, склонил голову набок. Он постоял так несколько секунд, что-то прикидывая в своей голове и-и-и… Сел возле двери, всем своим видом показывая, что «нанаку» он хочет именно сейчас и никак не после прогулки!

— Не-не-не, мой дорогой, — сощурилась я, а Карат встал и подошел ко мне.

Он положил мне морду на колени, намекая, что раз однажды сидел со мной на диете, то я теперь ему по гроб жизни должна. И вообще, не докармливаю я его, бедняжку. Совсем не докармливаю.

— Что? Голодом пахнешь? — Я почесала подставленную морду. — А мне кажется, что твой голод называется «докторской». Ладно, доедай уже и пойдем гулять.

Помню, как мы с Каратом познакомились… Я шла домой ужасно злая на очередного заказчика.

Одна солидная фирма решила заказать солидный интерьер будущего офиса, поручив секретарше Юлечке вести со мной переговоры. Юлечка была уверена, что я — экстрасенс. Юлечке хотелось розового и завитушек.

Потом подключилась Марьванна, главбух, требуя дерево с лаком «шоб солидно было» и обои с золотыми вензелями «шоб бохато». Потом пришла дочь генерального директора, требуя, чтобы был «хайтек и ничего лишнего». Потом пришел генеральный, настаивая, чтобы было как у конкурентов. В итоге, поругавшись между собой, они заморозили проект, а мне пришлось довольствоваться скудным авансом и вынесенным мозгом.

Пока я на обратном пути из магазина мысленно рыла братскую могилу и организовывала в рамках аванса скромные похороны ООО «Стройремторгмонтажсервис-Люкс», в кустах раздался писк.

Я бы не обратила на него внимания, если бы он не был таким жалобным. В этот момент я поняла, что у кого-то неприятностей куда больше, чем у меня. Я бросилась в ближайшие кусты, слыша, как в них жалобно-жалобно страдает что-то маленькое и очень голодное. Прохожие сновали мимо. Они тоже слышали писк, но им было плевать.

Я раздирала кусты, пытаясь найти страдальца. Ветки рвали куртку и царапали руки. Может, ну его? Хотя… Ой! Я

помню тот момент, когда увидела его, сидящего под деревом.

Маленький пушистый шарик орал так, словно его доедают волки. Я взяла его на руки, игнорируя мысль о блохах, лишае и прочей гадости, пытаясь понять, где у него морда, а где попа. И что это вообще такое? Так! Хвост я вижу! Ой, извини, я тебя тут вверх попкой держу! И вот что ты такое?

Комок шерсти перестал пищать ровно в тот момент, когда очутился у меня в руках. Я осмотрела комочек на предмет повреждений и таковых не обнаружила, поэтому положила его на место.

Если честно, то я уже собиралась уходить, как вдруг эта маленькая завихрень решила развернуться, лечь на спину и, раскинув лапки с хвостом в разные стороны, громко тявкнуть. Всё! Тут моё сердце не выдержало, и уже через минуту я тащила домой круглого, коричневого блохастика. Вот так всегда. Берешь домой хомячка, а потом медведя на цепи выгуливаешь!

Кто ж знал, что он вымахает больше алабая? Но, знаете, я не жалею! Почему Карат? Да потому что у него был медальон с именем, а хозяев я искать не стала. Каюсь… Каюсь, но не отдам!

Наскоро одевшись и нацепив сбрую на пёсю, мы выбежали из подъезда. Уже успело изрядно похолодать. Поднялся сильный, пробирающий ветер, на небо набегали тучки, но Карата это не останавливало. Вот уж кто действительно любит жизнь во всех её проявлениях! Он бегал от куста к кусту,

пугал соседских кошек, подкрадываясь к ним по-пластунски и заявляя о своём присутствии громким «ГАВ!» им на ухо, отчего те с диким визгом подпрыгивали на месте и молнией взлетали вверх по забору или дереву.

А ещё у нашей маленькой семьи есть традиция. В ближайшей к дому лесополосе, куда мы ходим гулять, есть опушка, которую мы почему-то очень полюбили, особенно в летнее время года.

Я всегда отстегиваю здесь поводок, чтобы Карик мог набегаться, а иногда и наваляться всласть без противных криков: «Уберите! Я собак боюсь!», «Девушка! Здесь же дети!», «Ой! Помогите, меня насмерть покусала взглядом ваша собака!», при условии, что Карат даже ухом не повел. «Ой, а можно погладить?» — это ненавижу больше всего. «А он не кусается?» — это вообще апогей безумия.

Конечно, нет, мы кашу едим через трубочку, всасывая ее в себя, потому что у нас челюсти не разжимаются! Вот о чем думают люди, когда интересуются такими элементарными вещами?

— Карат! Кари, пойдем! — позвала я его, потеряв на мгновенье пса из виду. — Ка-а-ари! Каратушка! Домой!

Никто не отозвался. Карата не было. Паника накрыла меня: он никогда не уходил далеко и всегда прибегал по первому зову! А тут тишина, давящая, паническая тишина!

— КАРАТ!! — Мне показалось, что мой полукрик-полувизг был слышен через два квартала. — КАРАТ! МАЛЫШ!

ДОМОЙ!

Тишина. Ко мне не несется табун, продирая кусты, ничья наглая моська хитро не прячется за моей спиной.

— Господи, хоть бы ничего не случилось! Хоть бы не случилось! Всё разрешу, всё прощу! Даже те дорогие туфли! Каратик, миленький, только найдись, я ещё одну пару куплю, специально для тебя! — сквозь слезы причитала я, укрываясь от ветра и мороси. Я прошла уже почти всю полосу, как вдруг услышала знакомый и такой родной лай!

— Карат! — снова позвала я, ища его среди деревьев и лысых кустарников. — Кари!

Этот бессовестный пушистый комок моей любви и мотка нервов сидел возле оврага, что-то внимательно в нем высматривая и виляя хвостом, разбрасывая грязь в разные стороны. Зато на это обратит внимание наша ванна! Вот сто процентов забьется в уголок самым несчастным псом на свете, когда намекну ему, что на кровать в таком виде он не полезет!

Стоило мне только подойти к нему и попытаться застегнуть на нем ошейник озябшими пальцами, как он схватил меня зубами за куртку и вместе со мной сиганул в овраг. Господи, что я испытала в этот момент! Я так испугалась, зажмурилась и ждала очень болезненного падения прямо в грязь вперемешку с колючими ветками, возможно острыми камнями, использованными шприцами и даже битыми бутылками! Я уже даже успела мысленно попрощаться со своей любимой светлой курткой, да и со здоровьем тоже, мало ли что

может быть в этом овраге! Но удара так и не случилось.

Я попыталась разомкнуть веки. В глаза ударил яркий белый свет. Сколько ни силилась рассмотреть хоть что-то, у меня не получилось. Просто белый яркий свет, режущий до слез глаза, вокруг — и всё. Я как будто находилась в невесомости и не могла пошевелить ни руками, ни ногами! Противный, липкий ужас стал растекаться по моему телу, я пыталась пошевелиться — без толку, сердце бешено металось, колотясь о рёбра и отдавая в виски, руки и ноги похолодели. Очередная волна паники накатила на меня, я пыталась закричать, но лишь беззвучно открывала рот, я звала на помощь, звала Карата, но не могла издать ни звука. Моё сознание не выдержало, и я отключилась.

* * *

— Пропустите меня к ней! Пропустите! — доносился какой-то мужской голос. — Хранитель, пожалуйста! Я должен её осмотреть!

— Р-р-р-р-р-р-р-р! — послышалось со стороны… Карат, родной, родной мой мальчик! Куси его!

И тут раздалось громкое КЛАЦ и…

— Аааааааааааааааа! — орал какой-то мужик. — За что??? Хранитель! Я просто хотел убедиться, что с Вашей подопечной всё в порядке!

Хранитель???? О чем это он?? Кто Хранитель??? Где я?? Мне с трудом удалось разлепить глаза. Я лежала на какой-то

кушетке, ко мне пытался пробраться очень красивый мужчина, правда, немного бледный и уже слегка укушенный. Карат стоял между мной и мужиком.

— Рады приветствовать в Империи Некромантов, молодая Леди! — Он радушно раскинул руки, боясь подойти поближе после грозного рыка. — Я счастлив Вашему появлению здесь. Как вы себя чувствуете?

— Х-х-хорошо, а Вы кто? — опасливо поинтересовалась я. Я что-то помню про Империю Некромантов, читала, что ли… Неужели я в другом мире? Дочиталась…

— Меня зовут Акакукс, дитя. — Он заглянул мне в глаза. — Ты разве не помнишь меня?

А должна??? Акакукс… Акакукс… Виски прострелило болью, в глазах потемнело… Неужели… Как такое может быть???

— Какушка, это и вправду ты?…

Глава пятая. Стелла

Проснулась я рано утром от яркого летнего солнца. Сладко потянувшись, я перевернулась на кровати. Часы показывали половину восьмого… Отлично, успеваю!

Сегодня у нас последний день институтских будней, дипломы давно защитили, праздник отгремел, а распрощаться с преподавателями так у нашей группы не получилось, прикипели. Так что сегодня последние занятия, реки слез и начало взрослой жизни.

То, что студент должен быть вечно-голодным, придумали те, кто очень не хочет работать. И пока кому-то родители честно слюнявили деньги на обучение, общежитие, квартиру и гульки, кому-то приходилось впахивать.

Понимаю, что смешно, когда ты тихо сопишь на лекции, вспоминая, как стоишь над душой у какой-нибудь респектабельной пары, лениво выбирающей вина и закуски, а потом у тебя интересуются: «А эти лобстеры вы пробовали? Как вам они?» А ты понимаешь, что доширак со вкусом «лобстера» не считается. Каждую ночь я честно бегала с подносами, чередуя кафе «Дары моря» с кафе «Дары гор», выслушивала жалобы и улыбалась дежурной улыбкой, пока где-то выли местные певцы, с потугами на звезд.

И вот теперь я смогу жить нормальной жизнью! Я даже высплюсь! Планы были грандиозные!

Я наконец-то поднялась с кровати, и, проходя мимо зеркала, невольно заулыбалась. Милая девушка с копной рыжих, вьющихся волос, яркими серо-голубыми глазами. Странно, после шестнадцати лет мои глаза почему-то поменяли свой оттенок: с самого детства они были ярко-сапфировые, а теперь … А, ладно! Подмигнув своему отражению, я помчалась в ванну, по пути включая пузатый чайник.

Пока одни кричали о том, что нечего надеть, у меня такой вопрос не стоял. Пока подружки набивали гардероб дешевыми кофточками с ближайшего рынка, сметая их с раскладушек, я выжидала скидки в хороших магазинах. И не зря! На-

конец-то я смогу надеть это чудесное платье с ажурным воротничком и белыми манжетами. А вот и туфли, которые я берегла для особого случая. После занятий у нас намечался небольшой праздник, а времени, чтобы заехать и переодеться у меня уже не будет.

За несколько движений нанесла макияж и выпорхнула из дома. Улица встретила меня легким ветерком, бурчащими бабками, шумом дороги и криками детей на детской площадке. Замечательная пора, когда даже погода способна поднять настроение!

Добежав до перехода и дождавшись зеленого, я ломанулась через дорогу. Где-то на её середине послышался визг тормозов. Я только успела вскинуть руки в защитном жесте и закричать… Удар… Боль… Темнота…

* * *

— Девушка нетранспортабельна, — констатировал врач, склоняясь над телом. — Мы не успеем доехать даже до больницы.

Рядом лежали носилки, искореженный бампер, а водитель скрылся с места происшествия. «Сбили кого-то!» — встревоженно галдела толпа. «Девушку! Я своими глазами видела! Вылетел, козлина, даже не думал тормозить! Черная машина! Джип или как там его», — горестно воскликнул женский голос с остановки. «Носятся, окаянные! Управы на них

нет! Девоньку жалко!» — запричитала какая-то старуха.

— Гляди-гляди! — нас обступали прохожие.

— Уберите телефоны! Уйдите с проезжей части! — заорал патрульный, кого-то вызывая по рации. — Я кому сказал!

— Ты успел снять? Нифигасе! Ща на ютуб кинем! Это писец!

— Документы при ней есть? — поинтересовался патрульный, глядя с жалостью на изувеченное тело, которое еще дышало. — Мобильный телефон? Нужно сообщить родственникам.

— Документов нет, мобильный разбился от удара. Вон валяется! — отмахнулся врач, пытаясь поставить укол в окровавленную руку. — Хоть что-то… Жалко, очень жалко… У меня дочка ровесница.

— Ну что, несем? — заорали санитары из машины, пока снова набегали зеваки. «Ох, ё!» — пытался отдышаться какой-то парень из толпы.

— Ну, если сейчас не умрет, то попробуем, аккуратненько… — глухо заметил врач, прощупывая упрямый пульс.

— Нужна фотография. Подадим объявление. Вы позволите? — поинтересовался полицейский, тяжело вздыхая, пока второй допрашивал свидетелей. «Тудой поехал!» — махала рукой бабка, а под девочкой собиралась лужа крови, пачкая белоснежную разметку пешеходного перехода.

— Конечно, лейтенант, — согласился врач, пропуская

служителя закона к месту аварии. Он молча закурил и отвернулся, а потом сплюнул: «Вот тварь!»

— А ГДЕ ДЕВУШКА? — закричал полицейский, глядя на лужу крови. Врач резко обернулся, а сигарета выпала у него из рук.

Глава шестая. Ректор

— А вот и последний ученик! — снова констатировал очевидное Литаниэль, глядя на сияние. Если найдется кто-то, кто захочет оспорить его пальму первенства, то я гуманно задушу его собственными руками. И повешу себе на грудь медаль о спасении мира. — Последний! Факультет теперь полный! Поздравляю, Ириса!

Я не знаю, что мы ожидали увидеть. А может, и не ожидали ничего. Вполне возможно, что мы просто решили взять тряпочку и очистить свою совесть. Но когда круг погас, а к нашим ногам потекла алая кровь, размывая границы круга, все замолчали, изумленно глядя на тело, которое лежало в центре круга.

— Что с ней такое? — прикрыла рот рукой Ириса. — Какой ужас! Неужели это заклинание так сработало! Не может быть… Не может быть…

— Да ты… Да чтоб… Фиэр! Ах ты… — Я старался дышать ровно, четко понимая, что нового преподавателя за такой короткий срок я просто не найду. Перед глазами лежала искалеченная и окровавленная девочка.

— Дэль, успокойся! Господа, она жива? Агата? — засуе-

тился Баль.

— Жива! Жива! Шевелится! — нервно ответила Агата, но с места так и не сдвинулась. Вот не дай боги я узнаю, что целители работают и учат именно так, то быстро переквалифицирую их в некромантов.

— Я накрою её пологом, он остановит кровь, но надолго не поможет. Да и вряд ли ей что-то поможет. — Агата поджала губы, проводя рукой в воздухе. Словно тонкая пелена опустилась на тело, а мне показалось, что это могильный саван.

— Получилось! — радостно вякнул Литаниэль. — У нас получилось!

— ФИЭР!!! — отдышавшись, заорал я, не сводя глаз с тонкой руки, которая шевелила пальцами. — Ты что натворил, зараза ты портальная! Почему девчонка в таком состоянии?? Обо что ты её швырял по своим портальным коридорам?

— А что опять Фиэр?! — обиделся Фиэр, глядя на меня так, словно гномы уже вычислили его адрес. — Просили мага? Привел мага! Сказали по-простому? Привел по-простому!

— Рыжая? Рыжая! Девушка? Девушка! Значит ведьма! — добил меня своей логикой Литаниэль. Всё, заканчивается моё терпение. — Не монстр же как в прошлый раз? И на том спасибо!

Что делать, что делать… Если бы я знал… В какой-то

момент жалость смешалась с состраданием, а малодушная мысль умоляла ее умереть быстрее, чтобы не мучилась. Нет! Нельзя! Мы должны сделать все, что можем. Если это произошло по нашей вине, то мы просто обязаны помочь ей. Как угодно!

— Она не опасна? — вдруг задал вопрос Вальдер. — А то мало ли, вдруг. Я вот однажды видел, как вызвали чудовище! Выглядела, как девка в белом с длинными черными волосами. Видок у нее был еще тот, а потом как полезет к нам, как откроет пасть, я тогда ей как дам…

— А может, мы ее тихонечко уберем?? — негромко спросила Матильда. — Ну… Я все понимаю, но если Агата говорит, что … все… То что уж тут поделаешь. Жалко… Красивая была…

— А вдруг она прикидывается? — подозрительно прищурился Литаниэль, пока Вальдер рассказывал о героическом поединке. «А потом она меня хвать! А я ее шмяк! А она меня кусь! А я ей …», — распылялся Вальдер, пытаясь продемонстрировать пару приемов.

— Тишина! — рявкнул я и упал в кресло. Я сидел, слегка покачиваясь и напряженно думал… — Маги покинули Иез много столетий назад! Мерлин был последним. Вот зря я согласился! Можно было взять кого-нибудь с улицы. Без способностей! Читать научится — спасибо Академии. Бред какой-то. Так не должно было быть. Литаниэль! Убери свою указку! Я тебе сейчас в глаз воткну!

— Я просто решил проверить. Чтобы убедиться наверняка! — засопел гордый эльф, пряча с помощью магии указку, похожую на рог единорога.

— Ну может всё не так плохо, господин ректор, — тихо заметил Баль, осторожно наклоняясь над телом. — Мои плетения были настроены именно на мага… Я ещё никогда не ошибался… Не понимаю, почему она в таком состоянии… Я могу накинуть лечащее плетение, помочь Агате… Но исцелить не смогу.

Ну сделай же хоть что-нибудь. Нельзя же так! Просто смотреть, как кто-то умирает.

— Её нужно отнести в лекарское крыло, — спокойно произнес Баль, пока остальные стояли молча. — А я пока закрою портал и всё перепроверю ещё раз.

— Я не понесу! — тут же отозвался Вальдер. — Её по кускам девки разберут. Как только я сделаю пару шагов из кабинета! Извините, но я не по тем делам. Я серьезно… А вдруг ее нельзя переносить?

— Я тоже не понесу! — категорично заявил Фиэр, косясь на Ирису. — Но я могу попробовать её перенести через портал! Мало ли, какие там повреждения. А еще… еще я крови боюсь… Вот честно… Меня мутит…

— Никаких больше порталов! — рявкнул я, чувствуя ответственность за происходящее. — Полюбуйтесь на ваши порталы!

— Её нужно отнести! — высказался Литаниэль. — Но я

не донесу. Тем более если она умрет на моих руках, то по эльфийской традиции я должен взять обет молчания на триста лет, чтобы умилостивить богиню жизни.

— Если ты сейчас не замолчишь, то я принесу жертву твоей богине! Интересно, оценит ли она бусы из твоих зубов? — процедил я, злясь неимоверно.

— Нет, богиня жизни принимает дары только от посвященных! Лучшие эльфийские маги выращивают для нее цветы! — задушевно начал Литаниэль, снова ностальгируя по своей малой эльфийской родине.

— Цветы научились выращивать, думаю, с зубами справятся! — огрызнулся я, понимая, что злюсь на них. Люди не любят своих ошибок. Они стараются уничтожить их, и даже память о них. Им проще уничтожить ошибки, чем вынести уроки. Когда человек пытается забыть о своих ошибках, он забывает и уроки.

— Хорошо, — выдохнул я, склоняясь над телом. Мне даже страшно к нему прикасаться. — Но я вам еще припомню. Агата, идёшь со мной.

— Бессмысленно, — негромко отозвалась она, пока мы шли по коридору. — Девочка — не жилец, даже мои снадобья не помогут, Дэлион. Она обречена.

— Послушай, Агата. Еще одно такое слово — и оно станет последним, которое ты произнесла в стенах Академии. Я думал, что целители будут сражаться за жизнь до конца. Почему-то считал, что они борются за каждый вдох.

— Я просто предупредила, — нервно отозвалась Агата. — Просто предупредила. И я не вижу в этом ничего плохого! Мы, целители, видим смерть очень часто… Просто для нас это обычное дело. Я и ученикам об этом говорю. Если мы будем пропускать сквозь себя каждую смерть, то, поверьте, уважаемый ректор, в следующий раз будет недобор на факультете целителей.

Какая же она легкая… Такая хрупкая и невесомая.

Интересно, почему сейчас я думаю именно об этом. И платье на ней было красивое… Кто она? Сколько ей лет?

Почему я мысленно задаю эти вопросы и пытаюсь придумать ответы? А может быть, она была счастлива до того момента, пока наша магия не дернула ее…

А вдруг это — действительно наша вина? Моя вина? Я мог бы проверить расчеты еще раз. Мог бы дать дополнительную силу заклинаниям. Демоническая магия намного сильнее обычной. Мне же ничего не стоило…

А ей это стоило жизни. Надо было подстраховать ее заклинанием… Надо было… Какие неприятные слова. Может, мой отец тоже постоянно повторял их мысленно, думая о маме… А вдруг, если бы отец тогда был рядом с ней.

Если бы смог ее спасти… Не знаю как, но смог бы… Я бы тогда обнимал ее. А она обнимала бы меня… Я бы никогда не рос один, спрятанный от любопытных глаз, вдалеке от всего мира, не был бы живым напоминанием для отца.

Я знал, что он меня любит, что гордится моими успехами,

но при этом я был живым напоминанием о маме… Отец писал, что хотел бы меня увидеть, но я так похож на мою мать, что у него разрывается сердце.

Разбитое сердце Императора Демонов, чей сын живет под охраной, ни в чем не нуждается, но чувствует себя очень одиноким. И лишь иногда, во сне, я видел что-то, что заставляло мое сердце ликовать от радости. Только во сне у меня были мама и папа. Только во сне у меня была семья.

— Господин ректор, господин ректор, ГОСПОДИН РЕКТОР! — наконец услышал я, чувствуя, как Агата трясет меня за плечо. — Господин Ректор, я сделала всё, что могла, она протянет пару часов. Даже если бы мой магический резерв был полон, я бы не смогла залечить все увечья. Мне жаль. Думайте обо мне, что хотите…

Она вышла из палаты, прикрыв дверь.

Почему она оставила меня наедине с этой девочкой? Почему я должен решать ее судьбу? Мы с ней не знакомы! Мы даже ни разу не разговаривали…

Я смотрел на бледное, очищенное от крови лицо, рыжие локоны, словно пламя костра, обжигающие подушку. Она еще дышит. Как же тяжело она дышит… Почему мне страшно слышать ее дыхание? Она не хочет умирать. Неужели так умирают люди?

Неужели именно так умирала моя мама? Отец? Я никогда за свою жизнь не видел смерть так близко. Я только слышал о ней… А если бы эта девочка была моим родным человеком?

Что если бы я ее знал и видел, как она умирает? Что в этот момент чувствуют люди? И так ли страшна смерть? Демоны практически бессмертны — исключение составляет только хрусталь, который добывают гномы в своих пещерах.

От раздумий меня отвлек Баль…

— Сынок, как она? Хотя и сам вижу. — Он опустился рядом со мной на соседнюю кушетку. — Знаешь, мой мальчик, этот мир устроен очень странно… Какой бы властью ты ни был наделен, какой бы силой ни владел, перед смертью равны все. Это — единственное, что стирает рамки и грани сословий.

Я поднял на него глаза, пытаясь поймать себя на мысли, что мы все думаем об одном и том же. Об одной и той же ошибке. Только я привык пытаться исправлять ошибки, вместо того, чтобы просто отойти в сторону и закрыть на них глаза.

— О нет, мой мальчик, я не смогу помочь. Мои плетения здесь бессильны, — вздохнул старик, глядя на нашу ошибку. — Когда-нибудь мы все уйдем за грань.

Он похлопал меня по плечу, встал и вышел из палаты. А я остался сидеть, мучимый совестью. Если бы я не дал разрешение, она была бы жива. И теперь всю ответственность придется нести мне.

Глава седьмая. В которой ректор случайно женится

— Выхода нет, — вздохнул я, прислонился головой к стене и закрыл глаза…

— Дээээль, Дээээль, сынок, — звал меня женский голос, а мне сначала показалось, что есть кто-то рядом. — Сынок, у мамы мало времени, открой глаза, милый.

Я дернулся и открыл глаза, пытаясь понять, кто стоит передо мной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.